

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ББК 63.52+60.025

УДК 304.2

Социальная память и формирование городской идентичности столицы региона (на примере Саранска)*

О.А. Богатова

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Россия)

Social Memory and Formation of Urban Identity of the Regional Capital City (on the Example of Saransk)

O.A. Bogatova

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Предметом исследования является формирование городской идентичности на основе групповой рефлексии о прошлом и настоящем. В статье на основании данных экспертного опроса и онлайн-наблюдения за тематическими сообществами в социальной сети ВКонтакте, посвященными визуальной истории Саранска — столицы Республики Мордовия — и концентрирующимися на позднесоветском периоде как эпохе его трансформации в крупный город, выявляются специфические особенности социальной идентичности населения республиканской столицы, а также социальные функции виртуальных городских сообществ как «точек сборки» городской идентичности. Рассматривая саранские ностальгические сообщества в «новых медиа» в качестве специфической формы цифровизации в современной «публичной истории» и визуализации социальной памяти, автор статьи анализирует символическую коммуникацию их членов в модусах коллективной травмы и ностальгии. В качестве основных функций ностальгических сообществ выделяются конструирование культурной травмы социальных изменений, способствующее осознанию ответственности за развитие города и стимулирование гражданской активности, формирование целостного образа города в пространстве и времени, идентификация пользователей с обобщенным городским сообществом.

The subject of the study is the formation of urban identity based on group reflection on the past and present. The article summarizes the results of in-depth interviews with the experts and online observation of the thematic communities in the social network VKontakte, dedicated to the visual history of Saransk — the capital of the Republic of Mordovia and focusing on the late Soviet period as the era of its transformation into a major city, revealing the specific features of the social identity of the population of the republican capital, as well as the social functions of virtual urban communities as “assemblage points” of urban identity. Considering Saransk nostalgic communities in “new media” as a specific form of digitalization in modern “public history” and visualization of social memory, the author analyzes symbolic communication and manifestation of collective emotions of their members in modes of collective trauma and nostalgia. Author specifies the basic functions of nostalgic communities: the construction of cultural trauma of the social changes, promoting comprehension of responsibility for development of a city and stimulation of civil activity, formation of a complete image of a city in space and in time, identification of users with the generalized image of the city and urban community.

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)», грант РФФИ №20-011- 00588.

Ключевые слова: городская идентичность, виртуальное городское сообщество, социальная память, городское пространство, культурная травма, киберэтнография, регион, республики в составе Российской Федерации, Саранск, Республика Мордовия.

Key words: urban identity, virtual urban community, social memory, urban space, cultural trauma, region, cyberethnography, republics in structure of the Russian Federation, Saransk, Republic Mordovia.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)6-07

Предметом исследования является групповая рефлексия о прошлом и настоящем города на примере региональной «столицы» Республики Мордовия — Саранска в экспертном и виртуальных сообществах как точка сборки социальной идентичности городского сообщества, объектом исследования — социальные круги городской интеллигенции, способные к самоописанию идентичности города и генерированию общественного мнения. Методологической основой исследования служат принципы «публичной истории» в практике изучения виртуальных сообществ как новых цифровых форм репрезентации истории в городе [1, с. 37], исследовательские перспективы городской антропологии и коммуникативной социальной памяти, применяемые в процессе изучения проблем формирования городской идентичности с целью выяснить, «каким образом у горожан появляется ощущение идентичности, принадлежности к городскому сообществу, а также рефлексия об истории города и истории в городе» [1, с. 36]; эмпирической — глубинный экспертный опрос (n = 10) и методы так называемой киберэтнографии (онлайн-наблюдение за деятельностью трех городских виртуальных сообществ ВКонтакте).

Упомянутые сообщества ВКонтакте можно отнести к категории «ностальгических виртуальных сообществ», пытающихся компенсировать кризис социальной идентичности посредством обращения к виртуальным образам советского прошлого, используя техники визуализации и эстетизации материальных объектов, «проговаривания» известных членам сообществ социальных практик прошлого [2]. Автор ставит целью выявление социальных функций ностальгических виртуальных сообществ в процессе компенсации выявленного по данным экспертного опроса дефицита идентичности города как реального сообщества.

Виртуальным (основанным на виртуальной коммуникации) сообществам, как и реальным группам приписывают такие характеристики, как «обеспечение и обмен информацией; единство интересов; обеспечение поддержки (социальной, культурной и материальной); формирование и сохранение идентичности членов сообщества» [3, с. 96], а также функции символической коммуникации и «манifestации» (выявления) «чувств и поступков» своих членов [4, с. 26]. Виртуальные сообщества явля-

ются объектом изучения методом киберэтнографии (онлайн-наблюдения) с последующим «насыщенным описанием» виртуальной коммуникации, анализом коммуникативных практик (одобрения, комментирования и т.д.) и смысловых связей между их операциональными элементами [4, с. 29].

Современные городские исследования связывают вызовы городской идентичности с переустройством публичных пространств в соответствии с запросами местных элит, которые превращают локальную идентичность в «бренд», одновременно разрушая ее аутентичность в целях извлечения большей прибыли [5, с. 13]. К последствиям этого процесса социологи и социальные антропологи относят утрату рядовыми горожанами доступа к использованию городской среды для удовлетворения социальных, культурных и экологических потребностей и трансформацию публичных пространств в «псевдопубличные» пространства, служащие частным и корпоративным [6, с. 16], а не общественным интересам (торговые центры, «высокомерные» офисные здания) и «не-места» — транзитные и иные лишённые индивидуальности типовые локации, не связанные с идентичностью местных сообществ [7, с. 84].

Последствия превращения дореволюционного торгового и уездного Саранска в «город власти» республиканского масштаба — столицу Мордовской автономной области (1930 г.), а затем Мордовской АССР (1934 г.) в XX в. оцениваются местными историками неоднозначно, с одной стороны, признавая значение административного ресурса как основного фактора развития города в XX в., с другой — отмечая утрату дореволюционной культурной идентичности города в процессе «разрушения создававшегося веками ансамбля центра русского города» [8, с. 38].

Экспертные оценки, как и результаты массового опроса, предпринятого автором в рамках реализации научно-исследовательского проекта, показывают, что основным препятствием для формирования социальной идентичности населения Саранска как республиканской «столицы» является дефицит собственно городской идентичности по таким параметрам, как привязанность к городу как месту проживания и удовлетворения социальных потребностей, ответственность за состояние городской среды и готовность к совместным действиям ради ее улучшения [9].

Формированию локальных городских сообществ в Саранске препятствует целый ряд обстоятельств, связанных с недавней историей города, основное население которого составляют приезжие в первом-втором поколениях, «асоциальными» характеристиками многоквартирной жилой застройки с позднесоветской «свободной планировкой», способствующей, как и в других странах мира, формированию не реальных сообществ, а механических «совместностей», и образ жизни, «распределенный» между деловыми и «спальными» районами города, а также городом и загородными местами отдыха. Один из опрошенных автором экспертов заметил по этому поводу:

— *К несчастью, даже работая в университете, я постоянно слышал такое: «Я поеду домой». То есть многие новые горожане не ассоциируют себя с Саранском. До сих пор они ассоциируют себя с тем родным селом, где остались их родители, их бабушки, их дедушки. И с каждым новым очередным притоком студентов мы видим одно и то же* (эксперт, реконструктор).

Не способствуют формированию гражданских компонентов городской идентичности также установки наиболее активных уроженцев Мордовии на миграцию за пределы республики как относительно низкоресурсного и в то же время расположенного недалеко от мегаполисов региона.

Опрос экспертов (архитекторов, гражданских активистов, искусствоведов, журналистов) выявил такие характеристики городской идентичности, как большое количество образованных людей в городе (включая кандидатов и докторов наук), что объясняется наличием нескольких вузов, наряду с немногочисленностью горожан в нескольких поколениях как носителей исторической памяти: *Это отдельные семьи, которые как острова были среди безбрежного океана* (эксперт, географ).

Эксперты характеризуют Саранск как «типичный» и не очень крупный город (около 300 тыс. чел. населения на момент исследования), независимо от статуса столицы региона. Негативной стороной этой типичности выступает самоидентификация «города без лица», которая, впрочем, также оценивается как соответствующая норме:

— *Вы думаете, своеобразных городов много? Да их мало, своеобразных городов. Вот Саранск советский помните? Он был похож на другие города, на сотни других городов. И сейчас его отличие не слишком значительное. Я много езжу по России. Вот летом был в Рязанской области, в Тульской области. Многие города посмотрел. Они такие же чистые, там такого же много наворочено барахла архитектурного. Так сказать, что выделяется? Нет, не выделяется* (эксперт, искусствовед).

В качестве основы «столичной» идентичности на уровне региона эксперты рассматривают его цент-

ральное положение, по умолчанию приписывая моноцентризм поселенческой структуры Мордовии остальным регионам: *Есть крупный город, а все остальное — мелочи. Он как бы все потоки стягивает к себе* (эксперт, искусствовед).

Вместе с тем атрибутом столичности в Саранске по традиции считается статус промышленного города как продукт относительно поздней индустриализации, обусловившей «культурный лаг», тему которого часто поднимают эксперты:

— *Уровень ментальности, который отличает, на мой взгляд, опять же, среднестатистического жителя Саранска, он не меняется лет, наверное, 50–60. Как в 1950–1960-е гг. город переживал массовый бум в связи с развитием промышленности, приезда сюда большого количества жителей сел — и пригородных, и не только пригородных, с других районов. В общем, именно сельское население. С их ментальностью, с их культурой, с их мировосприятием... Несмотря на то, что это население уже породило своих детей и даже внуков* (эксперт, журналист 1).

Перспективы изживания «провинциальности» связываются экспертами с атрибутами идентичности «университетского города» — развитием научно-образовательного кластера, новым поколением студентов:

— *Это молодое поколение похоже на западное. Студенты ведут себя как в западных университетах. И они хотят именно сделать город под себя, под их потребности* (эксперт, журналист 2).

В сложившихся условиях важное значение приобретает такой механизм конструирования городской идентичности, как коммуникация в виртуальных городских сообществах, включая группы в социальных сетях, посвященные истории и культуре Саранска. В дальнейшем мы попытаемся выявить потенциал и основные функции этого механизма трансляции социальной памяти в аспекте формирования городской идентичности на основе анализа основного содержания публикаций и комментариев к ним сообществах социальной сети ВКонтакте «Фотоистория — Саранск», «Старый Саранск» и «Саранск — вспомнить все» за 2021–2022 гг.

Визуальные публикации в сообществах и данные интервью дополняют друг друга: так, фотографии 1960-х гг. в группе «Фотоистория — Саранск» демонстрируют практически деревенскую «усадебную» застройку на центральных улицах города того времени, которую авторы комментариев идентифицируют с теми или иными знакомыми семьями, в то время как эксперты делятся воспоминаниями о формировании городской территории и ее «ментальной карты»:

— *В войну там еще были колхозные поля, как нам сосед рассказывал, то есть здесь сейчас стадион... То есть Посоп — это поселение особо опасных прес-*

тупников. *А Саранск — это был Саранск. И помнишь, мы еще в наши времена говорили, что: «Куда едешь? — В город». Сейчас-то мы едем в Центр, на Юго-Запад, Химмаш либо на Светотехстрой. А раньше мы ехали именно в город. Вот Центр до последнего времени у нас был городом в разговоре* (эксперт, культуролог).

Относительно немногочисленную (самая крупная из групп «Фотоистория — Саранск», по данным администраторов, насчитывала в июне 2022 г. 4000 подписчиков) аудиторию этих виртуальных сообществ можно идентифицировать с городской интеллигенцией и средними слоями, состоящими из выпускников высших учебных заведений, расположенных в Саранске, а их «ядро» — основных авторов визуального и информационного контента — с потомственной городской интеллигенцией, чьи родительские семьи проживали в историческом центре «города» в традиционном понимании. В то же время эта аудитория социально неоднородна в аспекте уровня и образа жизни, что иллюстрирует, например, реакция на фотографию открытия кафе «Пилигрим» (1998) в сообществе «Фотоистория».

Это кафе, первоначально поддерживавшее «эксклюзивный» имидж за счет цен и дресс-кода (*в спортивных костюмах не пускали*), получило противоречивую репутацию среди разных слоев горожан в зависимости от их финансовых возможностей. В то время как часть комментаторов вспоминали его как *любимое кафе молодости*, связанное со студенческими годами, когда *молодежь вся в «Эсмеральде», а люди немного постарше в «Пилигриме» отдыхали*, другие, побывавшие там, по их словам, *несколько раз*, характеризовали его как *«бандитское кафе»*, где было *«очень много лиц, которые не стоит показывать»*, или с сарказмом отзывались о посетителях кафе, которые, по их предположению, теперь «отдыхают» на городском кладбище. Следовательно, объединяет аудиторию упомянутых виртуальных сообществ именно самоидентификация с городом.

Основную эмоционально окрашенную установку ностальгических городских сообществ можно охарактеризовать как направленную на формирование позитивной идентичности города и сфокусированную в большей степени не на настоящем, а на относительно недавнем прошлом. В этих группах размещаются как фотографии, начиная с дореволюционных видов уездного Саранска и заканчивая вторым десятилетием XXI в., так и ссылки на ролики на основе фотомонтажа или нарезки из документальных фильмов и республиканских теленовостей.

Сотни отметок и десятки комментариев относятся к местам Саранска, связанными как с личной или семейной памятью, например, воспоминаниями детства, так и со значимыми событиями в истории

города. Это период формирования архитектурного ландшафта центра Саранска в качестве крупного современного города (1930–1960-е гг.), включая первые образцы многоэтажной застройки («сталинки»), магистральные улицы, предприятия, в прошлом определявшие специализацию республики на светотехнической, машиностроительной и оборонной промышленности. В группах происходит спонтанное конструирование общих «мест памяти» как объектов общегородской самоидентификации, на основе «примордиальных» микрогрупповых идентификаций как исходного материала для сборки (школы, университет, магазин «Детский мир», парки, стадионы, кафе и т.д.).

Доминирующие модальности подачи визуальной информации в этих группах можно определить как «травму» и «ностальгию». Именно эти два аффективных модуса, по мнению К. Платта, характеризуют отношение постсоветского российского общества к советскому прошлому [10].

Применительно к прошлому Саранска, ставшего крупным городом в качестве столицы автономной республики, можно говорить о нескольких травмах, связанных: с утратой дореволюционной культурной идентичности и историко-культурного наследия; с утратой полусельского образа жизни и тесных соседских сообществ на территории центральной части города; с постсоветской деиндустриализацией и вынужденной сменой занятий городского населения; с новой волной застройки и реконструкции городской среды уже в XXI в., ориентированной на интересы относительно высокодоходных слоев населения — строительством «элитного» индивидуального и многоквартирного жилья на месте бывших общественных пространств, сокращением зеленых и пешеходных зон из-за приспособления улиц под личный автотранспорт и т.д.

Тенденция к драматизации индустриального компонента столичной идентичности, по традиции оцениваемого в качестве атрибута полноценного крупного города и объекта самоидентификации, а впоследствии — семейной памяти и ностальгии, прослеживается и в экспертном опросе:

— *Мама на заводе «Электровыпрямитель» всю жизнь работает там с какого-то года... А рядом, на Большевикской, там один дом сейчас остался сталинской постройки, а другой снесли. И вот я посмотрел, и я понял, что вот мимо этих домов, мимо этих стен проходили мои бабушки и родители. И меня настолько вот это вот зацепило. Я понял, как будто я с ними... с ними пообщался* (эксперт, журналист 1).

Модус травмы в виртуальных сообществах выражается в самом процессе конструирования «культурной травмы» как консенсуса, заключающегося в том, что «члены некоего сообщества чувствуют,

что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [11, с. 6]. В данном случае содержание культурной травмы связывается с утратой исторического центра города или привычного социального окружения в процессе необратимых изменений городской среды за последние 50–60 лет.

Культурная травма социальных изменений городской среды в виртуальных сообществах также визуализируется в форме «загадки», когда администраторы просят членов группы назвать адрес места, запечатленного на фотографии (обычно 1950–1970-х гг.), а через некоторое время выкладывают его современную фотографию, выполненную в том же ракурсе. Как правило, эта динамика соответствует превращению «мест», связанных с соседскими сообществами (городские усадьбы, рынки, пригородная автостанция в центре города и т.п.), в «не-места» — безликие псевдопубличные пространства и транзитные зоны современных почти безлюдных и безжизненных («зелень, зелень, зелень. А сейчас плитка, плитка, плитка») улиц и площадей. Визуализация этих изменений, оцениваемых большинством подписчиков негативно, как правило, вызывает острую эмоциональную реакцию в комментариях:

— *Господи, почему, глядя на фото старого города, хочется плакать? Почему все это ушло?*

— *Да, домики никакие, дорога грязная... вроде ничего хорошего, а сердце щемит, наверное, это ностальгия по временам детства и молодости (Фотоистория — Саранск).*

Объектом ностальгии выступают как дореволюционные архитектурные объекты (церкви, Гостиный двор, здания лавок и купеческих особняков, которые на памяти некоторых членов группы еще использовались в качестве общественных зданий), так и более современные постройки в стиле советского конструктивизма и неоклассики, также утраченные в процессе реконструкции центра города. В таких случаях причина утраты конкретизируется, отождествляясь с градостроительными просчетами:

— *Вообще не узнать. Другое время, другой город.*

— *И одни очень умные и дальновидные уничтожили памятник архитектуры!*

— *От всех наших памятников архитектуры остались остатки. Увы, но это правда.*

— *Так и есть! (Фотоистория — Саранск).*

Другой сюжет, связанный уже с постсоветской травмой деиндустриализации, обсуждался в сообществах «Фотоистория — Саранск» и «Старый Саранск» летом 2022 г. Предметом обсуждения стали позднесоветские новостные сюжеты и фотогра-

фии промышленной архитектуры, связанные с крупнейшими предприятиями Саранска, относящимися к светотехнической промышленности (после приватизации — «Лисма»):

— *Лисма накрылась бордовой шляпой, в январе разогнали цеха, которые остались.*

— *Мощное предприятие...было.*

— *Отсветила...*

— *Мой дед там работал, и его лампочки до сих пор горят.*

— *Градообразующий завод. Второй в Европе считался.*

— *Какой был завод!!! И сколько осталось воспоминаний, работая там когда-то много лет!!*

— *Такой завод развалили... (Старый Саранск).*

В данном случае предметом культурной травмы становятся события, связанные с разрушением или необратимой трансформацией целого ряда форм социальной идентичности — городской, семейной, профессиональной, корпоративной (объектом комментирования явилась постсоветская фотография здания с лозунгом: «Лисма светит миру»). Аналогичную реакцию вызвали посты, посвященные истории других предприятий, сохранивших не более 20% рабочих мест, — электролампового завода, продукция которого была изображена на советском гербе Саранска (новостной ролик) и Саранского механического завода (1931 г.).

Осознание негативных изменений в подобных случаях может стать предпосылкой осознания «права на город» и ответственности за его благоустройство или сохранение исторической памяти. Примером может служить дискуссия по поводу поста от 17 февраля 2022 г. о несоответствии датировки на мемориальной табличке в центре города с реальной датой сдачи многоквартирного дома в эксплуатацию:

— *В нашем городе уничтожена вся историческая часть. Ничего нет! Давайте беречь хотя бы то, что осталось. Кстати, напротив, через дорогу, на доме висит памятная доска Леонтию Петровичу Кирюкову в плачевном состоянии. Неоднократно напоминала об этом. А недавно даже какой-то фильм о Кирюкове забацали (вот на это деньги наши), а доска — все та же. Вот бы на что обратить внимание. Это наша история, а то мы как Иваны, не помнящие родства.*

— *Спасибо, абсолютно с Вами согласна (Фотоистория — Саранск).*

К другим последствиям виртуальной активности в «ностальгических» городских сообществах можно отнести процессы «пересборки» ментальных карт городского пространства и визуализации архивных фотографий жителей города, создающие образ города с историей и виртуального места встречи с незнакомцами. Эти фотографии, не связанные с личными и семейными воспоминаниями, форми-

руют обобщенные образы горожан и целостный образ «воображаемого сообщества», существующего в пространстве и времени и служащего объектом самоидентификации.

Автор благодарит П.В. Иванова и слушателей курса Свободного университета «Урбанистика и социология города: история идей» за обсуждение статьи и заинтересованный обмен мнениями.

Библиографический список

1. Браточкин А.В. Городское пространство // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М., 2021.
2. Абрамов Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 6.
3. Полухина Е.В. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 7.
4. Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 7.
5. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М., 2019.
6. Urban Public Space: Facing the Challenges of Mobility and Aestheticization / Oleg Pachenkov (ed.). Frankfurt am Main, 2013.
7. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017.
8. Культурный ландшафт города Саранска (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. Саранск, 2002.
9. Богатова О.А., Долгаева Е.И. Структура и тенденции развития социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). DOI: <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2021.4.22>.
10. Платт К. Аффективная поэтика 1991 года: ностальгия и травма на Лубянской площади // Новое литературное обозрение. 2012. № 116 (4).
11. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.